

Оглавление

- 6** ПРЕДИСЛОВИЕ
- ГЛАВА ПЕРВАЯ
12 СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО 1873–1886
- ГЛАВА ВТОРАЯ
20 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. КОНСЕРВАТОРИЯ 1882–1885
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
28 МОСКВА. ЗВЕРЕВ И АРЕНСКИЙ 1885–1889
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
52 СЕРЬЕЗНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ.
МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ 1889–1892
- ГЛАВА ПЯТАЯ
66 «СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК» В МОСКВЕ.
ИСПОЛНЕНИЕ ПЕРВОЙ СИМФОНИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ
1893–1895
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
78 СЕРЬЕЗНАЯ ДУШЕВНАЯ ТРАВМА
И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ 1895–1902
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
92 РАСТУЩАЯ СЛАВА КОМПОЗИТОРА
И ДИРИЖЕРА 1902–1906
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
108 ДРЕЗДЕНСКАЯ ИДИЛЛИЯ 1906–1909
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
126 РАСЦВЕТ 1909–1914
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
142 ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ 1914–1919
- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
156 АМЕРИКА 1919
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
174 РАХМАНИНОВ-КОМПОЗИТОР
- 206** ПОСЛЕСЛОВИЕ
- 216** УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПРЕДИСЛОВИЕ

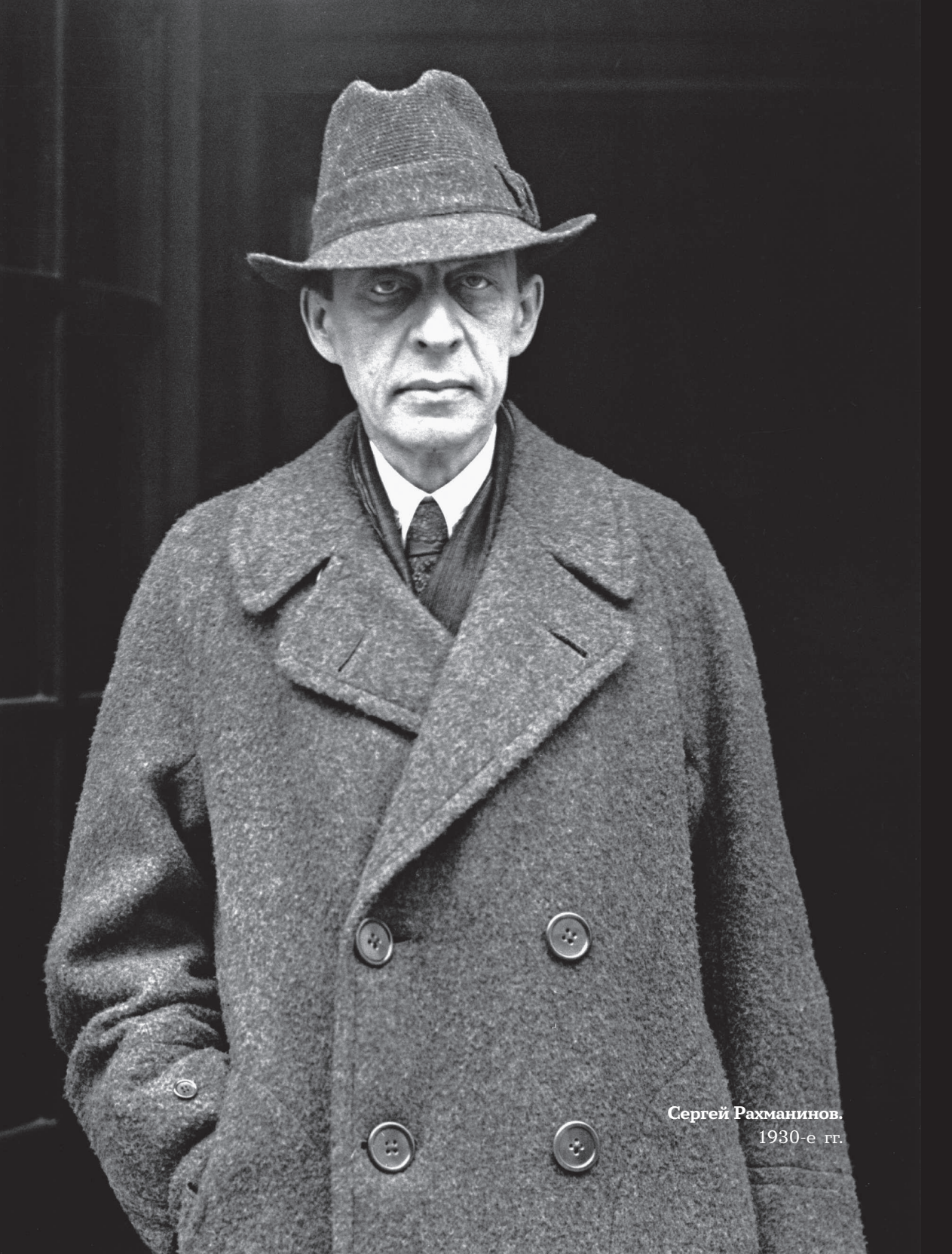
В часе езды от Парижа, вблизи Рамбуйе, восхитительной летней резиденции Президента Французской Республики, в лесах которой он вместе с друзьями наслаждается охотой на фазанов, находится маленькое предместье Клерфонтен. Оно славится множеством великолепных ландышей, привлекающих сюда в погожие весенние дни добрую половину парижан. Его окружает стена с высокими воротами, — чтобы они отворились, надо позвонить в звонок, которому по меньшей мере сто лет. Через чугунные узоры можно разглядеть угол скромного особняка. Это «Павильон», загородный дом, где Рахманинов в последние годы проводит лето¹.

Лишь поднявшись на несколько ступенек, ведущих к двери фасада, обращенного в парк, вы поймете, почему своим летним прибежищем композитор выбрал именно Клерфонтен.

Перед домом раскинулся широкий газон, окруженный великолепными древними каштанами и липами, сквозь листву которых можно увидеть теннисный корт, и кажется, что прямая, как стрела, дорога, окаймленная зарослями бука и серебристыми березами, находится где-то бесконечно далеко отсюда. Вкрапленные в луга и величественные леса пруды оглашаются громким кваканьем лягушек.

— Этот хор я не променяю на самый великолепный соловьиный ансамбль, — говорит Рахманинов.

¹ «Похожий на замок, большой дом "Павильон", защищенный от улицы невысокой изгородью... Широкая лестница открытой веранды вела в парк. Вид был очаровательным: зеленая лужайка перед домом, теннисный корт среди кустов, песчаные дорожки, обсаженные высокими старыми деревьями, ведущие в глубь парка, где был большой пруд, — все это походило на старинную русскую усадьбу. Парк граничил с летней резиденцией президента Франции. Маленькая калитка выходила на обширные земли для охоты: там росли сосны и водилось огромное количество кроликов. Рахманинов любил сидеть под соснами и наблюдать за играми и проказами зверьков» (А. Дж. и Е. Сваны. Воспоминания о Рахманинове. М., 1961).

Сергей Рахманинов.
1930-е гг.

Кроме лягушек, ничто не нарушает глубокой тишины. Ни одного звука из внешнего мира не доносится сюда из-за стены. Ничто не тревожит природного покоя. Именно здесь, в этом парке, на поляне среди деревьев, толпящихся у ворот, ведя постоянную изнурительную войну с полчищами комаров, я делал свои записи, а Рахманинов прохаживался передо мной и рассказывал. В прекрасных простых фразах, которые тем не менее пульсировали силой, в словах, приобретающих особую наполненность от пронизывающих их эмоций, придающих зримость описанию, он поведал мне прихотливый ход своей жизни.

Никогда прежде я не испытывал такого сожаления оттого, что не владею русской стенографией: боюсь, что неизбежны потери, связанные с вынужденным переводом на английский язык, который мешал мне отдать должное пластичной ясности и спокойной силе высказывания, свойственным рассказчику.

Биографу не часто доводится черпать из такого поистине живого источника. В данном случае я с особой благодарностью отношусь к этой возможности, поскольку она является единственной. Материал, который обычно находится в распоряжении биографов, — я имею в виду письма, рукописи, газетные статьи и тому подобное — мне недоступен. Он остался в Советской России, и его использование исключено. Мне кажется, однако, что вряд ли есть основания расценивать как недостаток или потери абсолютную подлинность личного общения, не говоря уже о том, что отбор материала был полностью предоставлен герою повествования. В биографии ныне живущего человека встречаются факты, небезразличные для чувств других людей, и поэтому некоторые из них вполне могут быть опущены, и, как мне кажется, в таких случаях лучшим судьей может быть субъект повествования. Опущенные главы истории должны быть и, скорее всего, будут рассмотрены в исторической ретроспекции последующими биографами. Я надеюсь, что страницы настоящей книги когда-нибудь существенно обогатятся; вместе с тем представленный здесь материал не нуждается в проверке и, следовательно, может составить основу любой позднейшей биографии Рахманинова.

Почему, чтобы рассказать историю своей жизни, Рахманинов выбрал именно меня? Подходил ли я больше, чем другие, для этой цели? У меня были некоторые преимущества, и они, конечно, сыграли свою роль в том, что Рахманинов охотно откликнулся на мое предложение.

Моя жизнь, немалая часть ее, текла параллельно с жизнью Рахманинова, и первый взлет его композиторской и исполнительской славы произошел на моих глазах. С 1899 по 1917 год я присутствовал на каждом из длинной серии триумфов, сопровождавших первое исполнение его произведений в Большом театре и в концертных залах Москвы.

В 1899 году я поступил в Московский университет, и вскоре мы с Рахманиновым встретились в доме нашего общего друга, княжны Александры Ливен. После окончания курса я остался в Москве, и путь к простому, выкрашенному в желтую

краску особняка позади Страстного монастыря на Страстном бульваре стал для меня привычным.

Самое яркое воспоминание, связанное с моей дирижерской деятельностью, — это вечер, на котором Рахманинов во второй раз играл свой Третий фортепианный концерт.

Мы встречались не только в Москве. Когда Рахманинов был в Дрездене, я находился в Лейпциге, где учился под руководством Хуго Римана и Артура Никиша. Всякий раз, когда в «Гевандхаузе» ожидался выдающийся концерт, Рахманинов приезжал в Лейпциг, а если что-нибудь замечательное собиралось предложить дрезденская Придворная опера, он звал меня в Дрезден. Я был обладателем постоянного приглашения на спектакли «Мейстерзингеров» с оркестром под управлением Эрнста фон Шуха — каждый раз меня извещали о дате представления открытками. Во время визитов в город на Эльбе мне выпало счастье присутствовать при истинном рождении клавиров произведений, которые были там созданы, таких как Вторая симфония, Первая фортепианная соната, симфоническая поэма «Остров мертвых», романсы оп. 26².

Когда в мае 1907 года я в сопровождении друзей отправился на первый «Русский сезон» в Париже, первым, кого я увидел, сидя в вагоне «Северного экспресса», к которому присоединили наш Магдебургский, оказался Рахманинов.

Покинув Россию, я в 1922 году поселился в Германии; композитор по случайности оказался в Дрездене, где я навестил его. Потом я стал частым гостем Рахманинова во Франции. Теперь мы соседствуем на берегу озера Люцерн в Швейцарии.

Всех московских и петербургских музыкантов, которых я упоминаю в этой книге, я знал лично и часто встречал, что, естественно, помогает мне в работе. Надеюсь, мне удалось избежать опасности превратить книгу о Рахманинове в мемуары о себе.

Работая над биографией Рахманинова, я нередко с досадой обнаруживал, что иные даты премьер и других событий, например начала работы над сочинением и окончания его, не помним ни я, ни Рахманинов. Нас спас счастливый случай. В России была опубликована небольшая брошюра В. Беляева «С. В. Рахманинов»³ — она попала в руки композитора. Замечательная особенность этой небольшой книжки состоит в том, что она содержит точный указатель рахманиновских произведений со всеми датами начала работы и ее завершения, обозначенных на всех рукописях

² Романсы оп. 26, 1906 г.; Симфония Ас 2 оп. 27. 1906 г.; Первая фортепианная соната оп. 28, 1906–1907 г.; «Остров мертвых» оп. 29. 1909 г. На автографе Первой сонаты для фортепиано ре минор оп. 28 имеется дата: «14 мая 1907 г., Дрезден»; на автографе симфонической поэмы «Остров мертвых» оп. 29, посвященной Н. Г. Струве, — «Дрезден. 17 апреля 1909». Первая соната оп. 28 впервые была исполнена Рахманиновым в Москве 4 января 1909 г. в концерте Московского отделения Русского музыкального общества, а «Остров мертвых» под управлением автора был исполнен 18 апреля 1909 г. в симфоническом собрании Московского филармонического общества.

³ Беляев В. С. В. Рахманинов. М., 1924.

✘

Сергей Рахманинов.

Лондон, февраль 1914 г.

композитора. Видимо, в доме Рахманинова побывали представители каких-то советских организаций и нашли рукописи, которые композитор, покидая Россию, бросил в оставленном доме. Их существование сделалось известным публике благодаря вышеупомянутому Беляеву. В брошюре указаны и даты первого исполнения сочинений Рахманинова; это единственный источник, из которого я черпаю сведения для этой книги.

Ее выходу существенно помогли дружеская и самоотверженная помощь миссис Фриды Крамер из Кастаниенбаума в Швейцарии. Считаю приятным долгом выразить ей свою признательность. Приношу благодарность также свояченице композитора мадемуазель Софи Сатиной, которая поведала мне многочисленные детали семейной жизни, забавные случаи, а также показала фотографии, которые ей удалось захватить при бегстве из России. Я должен также принести благодарность миссис Лили Дидерикс фон Вогау и господам Дюркооп из Гамбурга, любезно предоставившим мне фотографии Рахманинова и его семьи; я признателен русским музыкальным издателям в Париже и господам Брейткопф и Хертель за их готовность предоставить

в мое распоряжение сочинения; и напоследок, но отнюдь не в последнюю очередь спасибо мистеру Феликсу Айлмеру из Лондона, чья помощь оказалась неоценимой при выпуске английского издания этой книги. Если мой труд встретит желание бесчисленных поклонников и друзей композитора более полно осветить музыкальный путь и становление Рахманинова как художника, он может быть дополнен. Любые сведения, касающиеся музыкальной жизни Москвы конца XIX века, центральной фигурой которой был Сергей Рахманинов, оказались бы, конечно, чрезвычайно полезными.

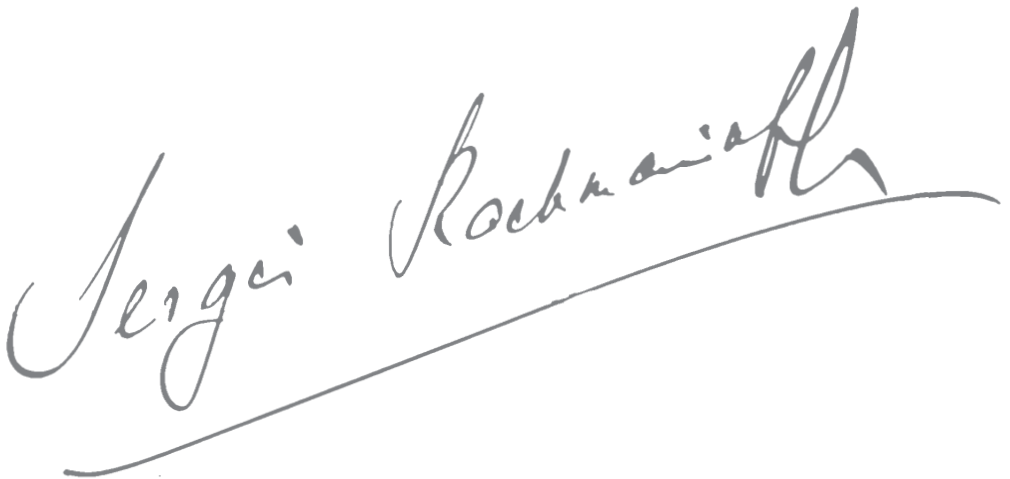
*Оскар фон Риземан
Сент-Никлаузен, близ Люцерна
Осень 1933 года*

Дорогой господин Риземан!

С большим интересом прочитал рукопись Вашей книги, и мне хочется поблагодарить Вас за чуткое понимание, с которым Вы передали наши задушевные беседы в Клерфонтене.

Если Вы и переоценили значение некоторых из моих скромных достижений, то уверен, что целиком обязан этим нашей долгой и тесной дружбе.

*Верьте, искренне Ваши
С. Рахманинов
Июль 28, 1933 года*

A large, elegant handwritten signature in cursive script, reading "Сергей Рахманинов". The signature is written in dark ink and is positioned above a long, sweeping horizontal line that extends across the width of the page.

Рахманинов в детстве.
1886 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО 1873—1886

Родители и предки композитора. — Первые воспоминания детства. — Преподавательница фортепиано Анна Орнатская. — Споры родителей относительно будущего их сына. — Пажеский корпус. — Вмешательство судьбы. — Рахманиновы — дети и родители. — Переезд в Санкт-Петербург. — Маленький Сережа поступает в консерваторию.

✕

**Василий Аркадьевич
Рахманинов,**
отец композитора

✕

**Любовь Петровна
Рахманинова,**
мать композитора

✕

**Петр Иванович
Бутаков,**
дед композитора

Василий Рахманинов, сын землевладельца Аркадия Рахманинова и Варвары Рахманиновой, в девичестве Павловой, был капитаном кавалерии¹ и принадлежал к кругам знатной помещицкой аристократии России. Он рано вышел в отставку и женился на Любви Бутаковой, дочери генерала Петра Бутакова, возглавлявшего Аракчеевское военное училище в Новгороде, где он преподавал историю.

¹ Василий Аркадьевич служил в Гродненском гусарском полку.

Рахманиновы ведут свое происхождение от молдавских «господарей» Драгош, которые управляли Молдовой две сотни лет (с XIV по XVI век). Один из них выдал свою сестру Елену² замуж за сына и наследника Великого князя Московского Ивана III, их внуку — Рахманину — обязана семья своей фамилией. Рахманинов, офицер санкт-петербургской гвардии, принимал самое живое участие в восшествии на престол дочери Петра Великого императрицы Елизаветы, за что государыня пожаловала ему имение Знаменское³ неподалеку от Тамбова. С тех пор Знаменское осталось во владении семьи. Знаменитое тамбовское черноземье — это как бы плодородный перешеек между Центральной и Южной Россией. Бутаковы же владели землями под Новгородом, на севере Российской империи, — скудными почвой, но богатыми легендами и преданиями.

Василий Рахманинов был блестящим офицером. Необыкновенно привлекательный, среднего роста, широкоплечий, смуглый, с изящными, быстрыми и выразительными движениями, наделенный недюжинной физической силой, он пленял окружающих своим обаянием. Полковой законодатель мод вел довольно рассеянный образ жизни, сорил деньгами направо и налево, отдаваясь в плен разнообразным фантазиям; он легко увлекался несбыточными планами. В его мечтах рождались грандиозные деловые прожекты, которые стоили ему немалых денег и неизменно приводили к полному краху. Будучи человеком музыкально одаренным, Василий Рахманинов растратил свой талант, услаждая изумительным звуком уши светских дам, наигрывая им арии из опер или аккомпанируя на балах. Незаурядный музыкальный дар Василий Рахманинов унаследовал от отца. Дед композитора, спокойный, достойный джентльмен, следуя семейной традиции, молодым еще человеком посвятил себя армии и сражался на поле брани во время Русско-турецкой войны. Но армейская служба несколько не занимала его. Вскоре он вышел в отставку и удалился в тамбовское имение, которого, в сущности, больше не покидал. Отдавшись своему единственному увлечению — музыке, он, по всеобщему мнению современников, стал выдающимся музыкантом и великолепным пианистом. В молодости он занимался у Джона Фильда, ученика Клементи, добрую половину жизни посвятившего преподаванию музыки в Санкт-Петербурге и Москве. Фильд стал основателем единственной в своем роде традиции фортепианной игры и получил специальный приз за *jeu perle*³, которой обучал своих питомцев.

Дедушка Рахманинова также отличался этой изысканной манерой игры. Он относился к музыке с большой серьезностью и отдавал занятиям всю душу. До самого смертного часа он ежедневно занимался по четыре-пять часов, и никому ни под каким видом не разрешалось отвлекать его от рояля. Даже если бы загорелись его конюшни, а на поля обрушился ураган, он ни на минуту не прекратил бы своего

2 Елена была выдана замуж за сына Иоанна III не братом своим, а отцом — Стефаном I.

3 Бисерная игра (франц.).

✕

**Аркадий Александрович
Рахманинов,**
дедушка композитора

✕

**Варвара Васильевна
Рахманинова,**
бабушка композитора

восхождения по «Cradus ad Parnassum»⁴. Иногда удавалось уговорить его поиграть для публики на частном или благотворительном концерте, и это событие всегда становилось праздником для губернии. Дед Аркадий Рахманинов, без сомнения, принадлежал к выдающимся музыкантам-любителям, которых немало насчитывалось в России первой половины XIX века. В эти славные ряды входили Улыбышев, граф Виельгорский, князь Одоевский, князь Шереметев и многие другие. Далеко опередив своих предшественников, вышли из этой касты Глинка, Даргомыжский, а потом уж и Римский-Корсаков, Бородин, Мусоргский.

Любовь Бутакова принесла своему мужу, бывшему кавалерийскому капитану, богатое приданое в виде четырех или пяти великолепных поместий. Должно быть, Василий Рахманинов рано подал в отставку именно потому, что намеревался целиком посвятить себя заботе об этих поместьях — решение, которое в дальнейшем привело, увы, к самым печальным последствиям.

От их брака родилось шестеро детей: три дочери — Елена, Софья и Варвара, и три сына — старший Владимир, Сергей и Аркадий, на восемь лет моложе Сергея, — единственный оставшийся в живых брат композитора.

4 «Ступени к Парнасу» — сборник этюдов М. Клементи (1752–1832). — *Примеч. пер.*